

Штрихи к портрету Сергея Баруздина

Заветное слово

СТИХИ и проза для детей, стихи и проза для взрослых, критические статьи, портреты, полемика, работа в юмористическом жанре, переводы, публицистика, общественная деятельность, редактирование популярного литературного журнала «Дружба народов» — вот что такое писатель Сергей Баруздин. И сразу вопросы: возможно ли подобное совмещение, какому жанру автор отдает предпочтение, что в его творчестве главное и, наконец, откуда берутся силы?

На мой взгляд, природа столь обширного творческого регистра, творческая жадность уходят корнями в детство писателя.

Баруздин прошел юнкоровскую школу, на его первые литературные опыты обратила внимание Н. К. Крупская, он уже в детстве печатался в центральной детской прессе.

Не знаю, кого называет своими учителями Сергей Алексеевич, но убежден — его первым учителем жизни был Аркадий Гайдар.

Гайдар, не раз выступавший перед москвичами-юноками, погиб в 41-м году, и в том же 41-м совсем юный Сережа Баруздин, по-гайдаровски прибавив себе годы, стал солдатом Великой Отечественной.

Большинство писателей, для которых сначала была война, а уж потом только учеба и литература, всю свою жизнь пишут о войне.

Первые книги Сергея Алексеевича — о детях.

Он уходил на войну «мальчишкой», с верой в свое писательское призвание, стало быть, и в победу, и в саму жизнь.

Человек, житейский опыт которого состоял из войны и детства, выбрал для творческого дебюта детство.

И вот еще какая догадка возникла у меня при чтении детских книг Баруздина.

Не секрет, почти у каждого писателя есть книги, прочитанные в школьном возрасте, а то и раньше — не прочитанные, а прослушанные, которые становятся маяками для их собственного творчества, а иногда играют роль «вечного эталона».

Не беда, что сам автор достигает большего. Впечатления детства не меркнут, сердце, отданное в детстве, измене не знает.

Сергей Алексеевич много и любовно писал о зоопарках. Вот и показало мне, что для него «вечным эталоном» был «Почемучка» Бориса Житкова. А может быть, тяга к зоопарку, преданность «звериной» теме — в другом. Сергей Алексеевич — истый горожанин, столичный житель.

Велико ли событие — увидел плавающих кур? Но Баруздин, автор психологических взрослых рассказов и стихотворных циклов, на всю жизнь верен себе, своему юнкорству... И роман отложен ради рассказа о курах, которые умеют плавать.

Уже не самое ли время зачитать «обвинительный приговор»: распыляетесь, дорогой автор, не бережете силы для магистральной работы...

А что это такое — магистральная работа, главная работа, дело жизни?

Сергей Алексеевич Баруздин из той плеяды писателей, творчество которых можно представить в образе большой реки в половодье. В этом потоке существует глубинное течение, основное русло, есть в нем завои, рукава, но воспринимать эту реку следует как единое целое.

Я недаром упомянул о том, что Баруздин — горожанин. Никакие дачи и путешествия в природу не могут заменить

крестьянского детства, писателя от земли всегда отличишь от писателя асфальтированных улиц, но ведь, с другой стороны, так чисто, так высоко и так просто рассказать о трамвае, рассказать как о живом, как о лучшем друге, может лишь тот человек, для которого старый трамвайчик — золотая крупинка памяти детства.

Исследуя жизнь городских ребят, Баруздин все время как бы сдерживает себя. Он рисует точные картины, не навязывая читателям авторских переживаний. Он предоставляет юным читателям право фантазировать, страдать и радоваться в меру их собственной эмоциональной заряженности.

Чтобы так писать, надо обладать безупречным вкусом, тонким педагогическим тактом и писательской мудростью.

Все эти качества проявились в полной мере при создании патристического публицистического цикла повестей для ребят младшего возраста, таких, как «Страна, где мы живем», «Страна Комсомолия», «Шел по улице солдат».

Для юношества о войне Сергей Алексеевич тоже писал. Горящей свечой останется в памяти читателей журнала «Юность» повесть «Тоня из Семеновки». Читается она на одном вздохе и, возможно, перенесена на бумагу за один присест.

«Началась война, и судьба занесла меня в деревню Семеновку под Каширой. Там был совхоз».

Обманчиво спокойное начало.

«Семеновна — довольно большая, дворов на двести десятков — лежала на берегу Оки, вся в зелени деревьев и кустарников»,

— продолжает свой незамысловатый рассказ писатель о первой юношеской любви. Строчки ложатся за строчками, и вдруг:

Все пройдет, и зимними порогами
Заметет прошедших весен
И тебя немисливо забыть...

И происходит необычное: рассказ все так же размерен и прост, но звонящая нота пронзила читателя, и каждое слово уже не прочитывается, а окунается в крошечку. Потому что «Тоня из Семеновки» — не литературный рассказ, а сама жизнь, оправаленная в раму литературного произведения.

Детские книги Баруздина обладают еще одним качеством, которое мне хотелось бы назвать замечательным.

Он один из немногих авторов, который проследил жизнь своего героя от хождения в детский сад и до того времени, когда человек занял в жизни свое трудовое место, причем рассказал об этом детям. И вот что в этом цикле повестей про «Большую Светлану» кажется мне замечательным. В повестях этих ничего особенного не происходит. Светлана играет в детские игры, находит друзей, спорится, получает подарки, бедокурит, смотрит, как работают взрослые, подражает им. Потом Светлана поступает в школу, учится, и если что-то необычное и случится в ее жизни, так это ее звонок в «Скорую помощь». Звонок этот спас человеку жизнь. А потом Светлана получила профессию, уехала в Киргизию, работала медсестрой, и за доброе сердце, за хорошую работу, за то, что спасла людей, киргизы дали ей свое киргизское имя — Сейдеш.

Никаких особых происшествий, повторю, в повестях этих нет, но зато есть наш советский срез жизни, показанный ненавязчиво, зато убедительно... Дружба между народами нашей страны воспринимается как само собой разумеющееся, обычное в нашем общечитии дело. Потому что это — норма советского общества.

Где бы ни оказался юный читатель, путешествуя вслед за индийскими слонятами Рави и Шаши или с белым медвежонком Снежком, будучи в Уганде, Монголии или Катманду, поднебесной столице Непала, он всюду — в атмосфере дружественного расположения к людям с разным цветом кожи, с разным миропониманием. Он, наш маленький читатель, учится с первых же своих книг любить все человечество. И мы, взрослые, говорим писателю Баруздину спасибо за его книги, где торжествует доброе начало.

Доброе, но не добренькое. Писатель Баруздин никогда не уводит своего читателя от сложных, а подчас и горьких проблем современного мира. Но ведь как смотреть на эти проб-

лемы? Сергей Алексеевич не дрогнул перед такой темой, как женщина на войне, женщина-солдат. Это не только касается «Повестей о женщинах», но и целой галереи образов из «Повторения пройденного», «Самой собой» и других повестей и рассказов.

Охватить все стороны творчества и деятельности писателя Баруздина в небольшой статье невозможно. Откликаясь на запросы времени, Сергей Алексеевич ставил и решал в своих книгах подчас вполне конкретные проблемы. Так, в повести «Ласточкин младший и Ласточкин старший» он писал о ребятах-ремесленниках, открывая перед читателями жизнь рабочей семьи, показывая, как интересно и важно учиться рабочей профессии. В повести «Новый адрес Нины Стрешневой» поднимал вопросы, связанные с антирелигиозной пропагандой.

«Специально писать только для детей — значит заранее ограничивать себя. Это было бы неправильно», — сказал мне в беседе Сергей Алексеевич. — Для писателя главное — выразить себя».

Беседуя с ним, я спросил, какие книги он считает для себя заветными. Писатель ответил, что самой важной для него бывает очередная.

О повести «Самой собой», получившей Государственную премию РСФСР, писали много, поэтому остановимся на самых последних публикациях. Все они — поэтические. Два цикла были опубликованы в «Красной звезде» и в «Литературной газете».

Прости меня, что меряю войной
Я нашу жизнь и все дела мирские.
Она, увы, не прошлое.

В этих строках — главная тема новых стихов и первойшая забота гражданина, поэта, солдата Баруздина. В стихах нет ужасов войны, но с физической явственностью передано чувство, которое, видимо, надо назвать «фронтовым чувством мира»:

Присела стрелкоза на край онопа
И чистит крылья
Бойцы молчат.
Глядят заоруженно.
Пусть только немец не спугнет ее...

Большая поэтическая подборка об Индии была опубликована в журнале «Дружба народов». Здесь и философские размышления о жизни, о поколениях, о судьбах народов, и моментальные зарисовки, бытовые, портретные...

За ними стоит многое. И понимание мира Азии. И ответственность художника за мир.

Владислав БАХРЕВСКИЙ
ЕВПАТОРИЯ